

Во вторник, в семнадцать часов.

Хвостик, подпрыгнув с рюкзаком за спиной, радостно воскликнула:

— Я вижу Пятнулю!

Линь, прислонившись к столбу уличного фонаря напротив средней школы «Серебряный топор» и державший на ладони маленькую тетрадку для зубрёжки слов, поднял голову — и увидел пухлого синего кота... а, нет, пухлого синего котолюда, который выпрыгнул из школьных ворот, огляделся по сторонам и рванул прямо к ним.

Когда тот добежал до Линя и остановился, Линь уже захлопнул тетрадку и, придерживая её за угол, лёгким движением постучал ею по его лбу.

— Сколько раз я говорил тебе смотреть по сторонам, когда переходишь улицу? Ты совсем не слушаешь, да?

— Эй... Но трамвай же едет так медленно...

Маленький пухляк обиженно прикрыл голову руками — по динамическому зрению котолюдов трамвай действительно был очень медленным.

— Трамвай действительно не быстрый, — особенно если сравнивать с метро, на котором ездил Линь до своего переноса, или же с несущимися автобусами. — Но почему же тогда полиция каждый год всё равно фиксирует столько несчастных случаев?

— Потому что в несчастные случаи попадают расы с плохим зрением? — Пятнуля поднял руку.
— Как кротолюды и змеелюды?

Мимо них как раз проходил лысый человек со змеиными чешуйками на коже; услышав это, он обернулся и уставился на них мутноватыми глазами.

Пятнуля резко опустил руки от головы к рту, а Линь одновременно щёлкнул его по макушке и сказал проходящему змеелюду:

— Извините.

Змеелюд высунул тонкий язык, определил возраст Пятнули и, ничего не сказав, ушёл.

— У них органы чувств ничуть не хуже, чем у котолюдов, с чего бы им попадать в несчастные случаи? — Линь щёлкнул Пятнулю по голове в третий раз. — Что у тебя с уроками биологии

рас? Через две недели — финальные экзамены, неужели ты принесёшь домой ноль баллов?

— Мы ещё не дошли до этой темы...

Маленький пухляк уныло опустил голову, а Хвостик утешающе похлопала его по спине.

— Вот же ж... — Линь тоже вздохнул. — Чувствую, не стоило брать тебя гулять в неделю перед экзаменами.

Для учеников скоро начинались новогодние каникулы.

Обычно в пятидесятой неделе года у них проходили финальные экзамены, затем следовали семинедельные новогодние каникулы. После этого начинался первый семестр — двадцать недель занятий, затем пятинедельные среднегодовые каникулы и второй семестр.

Зимние каникулы оказывались длиннее летних; первокурсник школы инквизиторов из одной далёкой страны сперва плохо к этому привыкал, но в подземных городах ведь не было различия между зимой и летом — ни жары, ни холода, которые могли бы влиять на волю к учёбе. Раз так, то к важному Новому году вполне логично было давать больше отдыха.

«Новый год... Я уже работаю, так что в этом году стоит поесть что-нибудь получше», — подумал Линь, слушая, как Пятнуля и Хвостик заверяют, что прогулка «не повлияет на учёбу», что «учитель сказал, что у меня прогресс по языку» и тому подобное.

— Раз прогресс по языку, — дьявольским тоном сказал Линь, — может, напишешь сочинение о сегодняшней прогулке?

— Хорошо! — согласилась Хвостик, моргая своими голубыми глазами, похожими на глаза Парайбы, только гораздо светлее.

— Не надо... — Пятнуля начал канючить. — У меня и так много домашних зада-аний...

Говоря это, они медленно шли к площади с лифтами.

Средняя школа «Серебряный топор» находилась на девятом уровне. Она являлась государственной, поэтому им требовалось подняться на лифте ещё на два уровня, а затем на трамвае доехать до берега реки Райи.

В городе, где Линь жил до переноса, тоже имелась река; когда он учился в начальной школе, то видел её каждый день из окна автобуса. Он помнил, как автобус ехал по длинному мосту, но на самом деле река под ним была узкой — если не смотреть внимательно, то и заметить не успеешь.

На берегу этой речки стояли люди с длинными удочками. Теперь же их силуэты вместе с отражением закатного солнца остались лишь в памяти Линя.

А соседский рыбак приносил мелкую рыбу — жареная она казалась очень вкусной.

Но река Райи, протекавшая через Шпинеவில், была совсем иной.

Все подземные города представляли собой многоуровневые конструкции; если бы такой город построили на поверхности, то Райи выглядела бы как висящая в воздухе река.

Сойдя с трамвая, Линь поднял голову и увидел прозрачный речной трубопровод, созданный алхимиками и проходящий через седьмой, восьмой и девятый уровни. Даже спустя три года после переноса это зрелище всё ещё вызывало у него восхищение.

Данное подобие аквариума являлось обыденностью. Они поднялись на прогулочную дорожку вдоль реки. Глядя сквозь алхимическое стекло на проплывающие мимо стаи рыб, Линь понимал, что почти всех их не узнаёт. Но Пятнуля и Хвостик могли назвать любую.

Бывшие беспризорники, привыкшие воровать рыбу у реки, неизбежно обладали этим навыком.

Юноша и дети прошли по дорожке больше двухсот метров, затем появилась лестница. Поднявшись по ней, они оказались на прозрачной дамбе.

На дамбе стояло много рыбаков — рыбаки никогда не переводились ни в одном мире. Но муниципалитет строго запретил ловлю сетями: если количество рыбы резко упадёт, восстановить популяцию будет крайне трудно.

«Хотите много рыбы — идите на рыбоводный завод!»

Такой плакат висел прямо на дамбе.

Но у беспризорников не было времени ждать, пока рыба клюнет. Обычно они тайком прятали самодельную сеть и, выбрав место, где поменьше людей, закидывали её, а как только кто-то приближался — быстро вытаскивали, унося, что успели поймать.

Именно поэтому это называлось кражей рыбы. Пятнуля когда-то был завсегдатаем такого промысла.

Однажды он вместе с Ректихом вытаскивал сеткой... Снежноцапку Койоти.

— Мне всегда казалось, что рыба из реки и рыба из рыбоводного завода на вкус разные, —

сказал Пятнуля, тоже заметив плакат. Потом он указал вперёд: — Это люди из церкви Дракона Света и церкви Матери Первозданной Крови!

Недалеко, на находившейся над рекой площадке на откосе, стояли пятеро-шестеро служителей Дракона Света с лампочками на головах и трое-четверо служителей Матери Первозданной Крови в красных ризах.

Священники Дракона Света приглушали лампы в верхней части речной трубы, переводя их из дневного режима в ночной, чтобы оставить рыбе в реке время для отдыха; а служители Матери Первозданной Крови щедро разбрасывали в реку корм, поддерживая экосистему рыб — это входило в их обязанности.

— И там и там выкормленные рыбы, какая разница? — пробормотал Линь, проходя мимо них.

— И те и те вкусные, — сказала Хвостик; она не являлась такой прихотливой, как Пятнуля.

Наконец они дошли до причала номер три.

Перед ограждением платформы уже была пришвартована средняя по размеру подводная экскурсионная лодка; в отличие от других подводных судов, верхняя палуба этой выглядела ровной, а по рекламному плакату у входа становилось ясно, что подводная часть имела большую прозрачную оболочку из алхимического стекла — настоящая экскурсионная субмарина.

— Вау!..

— Ва-ау...

Хвостик и Пятнуля, как и Линь, ни разу не плававшие на подводной лодке, широко открыли рты, уставившись на неё; Линь же достал билет, подаренный верховным инквизитором, и подал его птицелюдке у входа для проверки.

— VIP-билет с церемонии открытия — допускается от трёх до пяти человек, — птицелюдка отметила номер билета в журнале, затем записала данные Линя и двух детей. — Одно обычное место и два места для несовершеннолетних — готово.

Она оторвала обратную половину билета, поставила штамп и вручила Линю.

— Пойдёмте, — сказал Линь, обращаясь к двоим ещё глазеющим детям.

Школьник с рюкзаком и младшая ученица поспешили вслед; в узком коридоре за ограждением уже выстраивалась очередь, пассажиры взбирались на ровную верхнюю палубу экскурсионной

лодки и прогуливались там.

Линь почувствовал, как у Пятнули и Хвостик зашевелились ноги.

— Отдайте мне рюкзаки, — он протянул руку. — Осторожно, не уроните их в воду.

Через несколько минут Линь держал в руках два рюкзака и смотрел, как Пятнуля и Хвостик радостно бегали по платформе на верхней палубе.

Он присел в стороне, сунул руку в воду и тут же выдернул её.

«Холодно».

Он поднял намоченный палец и присмотрелся — вода в реке была необычайно прозрачной, не похожей на ту, что он помнил.

Когда юный инквизитор собирался снова ворчливо похлопать по потоку, он вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд.

Линь поднял голову и увидел верховного инквизитора в белом костюме и белом пальто. Тот шёл вдоль откоса в окружении семи-восьми служителей Матери Первозданной Крови в красном, рядом с ним находился его секретарь Ловветро Гордон. Верховный инквизитор вяло беседовал с одним из высокопоставленных служителей Матери Первозданной Крови; он, видимо, мельком заметил Линя, но в знак уважения лишь бросил взгляд и снова вернулся к беседе.

Линь посмотрел в ту сторону; Фельдграу Дуофюр кивнул собеседнику, затем поднял голову, и его розово-сверкающие глаза встретились с взглядом Линя; улыбка на лице верховного инквизитора на миг стала мягче.

Но всё это длилось не больше секунды; Фельдграу оторвал взгляд и снова начал внимательно слушать священника Матери Первозданной Крови.

— Он всё ещё работает, — пробормотал Линь.

Сразу после этого он увидел, как верховный инквизитор, держа руки за спиной, сделал несколько жестов в его сторону.

«Хочет позже подняться ко мне? Если уж встретились, то можно», — Линь прищурился, поняв смысл жестов, и кивнул в ответ.

После кивка Линь невольно огляделся по сторонам: ему показалось, что Моисей Гуппи вот-вот выпрыгнет откуда-нибудь и схватит его за плечо, чтобы встряхнуть.

Но никто не появился — Моисей говорил сегодня утром, что собирался сходить проведать Снежноцапку и присмотреться к тому гриболюду; он вернётся вечером, когда Линь уже будет спать.

«Как странно, — подумал Линь. — Почему я чувствую себя виноватым? Чего стыдиться?»

Вдруг сверху лодки прозвучали три предупредительных сигнальных гудка.

На верхней платформе по обеим сторонам медленно поднялись купола из того же прочного алхимического стекла; две половины сомкнулись над платформой и закрыли пассажиров внизу.

Сотрудник с громкоговорителем появился на палубе и крикнул:

— Экскурсия по реке Райи начинается! Пожалуйста, сядьте на свои места и пристегните ремни безопасности!

Пятнуля и Хвостик вернулись за рюкзаками.

Спуск в салон предполагал лестницу; Линь, как обычный человек, считал такую трёх-четырёхметровую лестницу небезопасной — но он тут же увидел, что большинство пассажиров просто прыгали вниз, лишь немногие пожилые и дети, как Хвостик, осторожно спускались по ступеням, держась за перила. Тогда он снова подумал, что физическая форма звероловов и людей с его мира действительно отличалась.

Внутри туристического салона места были размером примерно с два класса: полстены занимало прозрачное окно, отражавшее блеск волн и силуэты рыб.

На прикрепленных к полу пластиковых сиденьях лежали мягкие подушки; эти сиденья с ремнями безопасности окружали пять круглых столов, накрытых дорогими скатертями.

По билетам, тур должен был продолжаться около двух часов и включал ужин.

Сотрудник снова прокричал:

— Садитесь! Пристегните ремни! Мы сейчас выдвигаемся!

Линь проверил билет: номера мест не было, и он с детьми сел на ближайшие свободные места.

Когда они пристегнули ремни и большинство пассажиров также расселось, экскурсионная лодка с жужжанием начала погружение.

Русал в форме сотрудника вышел вперёд со шнуrowанным микрофоном, прошёл между столами и заговорил.

Линя посетило некое предчувствие.

И действительно: русал-гид сказал приветственное слово и произнёс стандартные фразы, какие Линь слышал в детстве, сопровождая родителей на экскурсиях; затем он позвал змеелюда-сотрудника с тележкой, на которой лежали подарочные коробки с ламинарией и вакамэ.

Линь молча смотрел.

Ламинария и вакамэ являлись бурыми водорослями, которые раньше относили к растениям; в мире, откуда пришёл Линь, их причисляли к разным супергруппам SAR (S — анизофлагелляты, А — цистидии и R — фораминиферы). В любом случае, Дева Серебряной Луны не могла управлять ламинарией — логично.

Компания, стоявшая за этой экскурсионной подлодкой, очевидно, продвигала продукцию из морских водорослей.

Линь предположил, что в ужине будет несколько блюд из водорослей; Пятнуля и Хвостик уже подняли руки, чтобы поучаствовать в розыгрыше наборов с водорослями.

«Нужно воспользоваться бесплатными подарками», — подумал Линь и тоже поднял руку.

Русал-гид начал разогрев для конкурсов. Линь, зевая, смотрел, но что-то внутри ему до сих пор не давало покоя.

«Когда это началось? — подумал он. — В тот момент, когда появился змеелюд-сотрудник с тележкой».

Линь прищурил скрытые за повязкой глаза; приглядевшись, он увидел знакомое лицо.

Два дня назад Снежноцапка рассказывала ему о своём прошлом; в её воспоминаниях всплыл один из тех, кто её охранял — один из культистов культа Искращения.